

УДК 343.2

DOI: 10.34670/AR.2023.88.16.062

Дефиниция, сущность и иные правовые особенности принудительных мер медицинского характера

Трусова Елена Анатольевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры психологии,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: etrus.elena@yandex.ru

Аннотация

Понимание категории «принудительные меры медицинского характера», ее истинной сущности (правовой природы), иных правовых особенностей представляет интерес в научном сообществе, как на прежних этапах развития юридической мысли, так и на современном этапе. Статья посвящена исследованию медицинских мер принудительного характера, понятию (дефиниции) данной правовой категории, сущности (правовой природы), другим особенностям, выделяющим данные меры от иных мер уголовно-правового характера (основаниям назначения, целям применения, пр.). В статье рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ о медицинских мерах принудительного характера, проанализированы дискуссионные вопросы, отражены различные научные позиции. На основе проведенного анализа автором сформулирована система юридических характеристик категории «принудительные меры медицинского характера», предложены отдельные изменения в нормы действующего законодательства. В качестве новелл выступило: указание в ч.1 ст.97 УК РФ дефиниции правовой категории «принудительные меры медицинского характера» и расширение содержания целей применения принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ).

Для цитирования в научных исследованиях

Трусова Е.А. Дефиниция, сущность и иные правовые особенности принудительных мер медицинского характера // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 407-415. DOI: 10.34670/AR.2023.88.16.062

Ключевые слова

Преступность, меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера, дефиниция, сущность (правовая природа), основания применения, цели.

Введение

Предписываемые со стороны законодателя правила возможного и должного поведения характеризуются качеством императивности и отражаются в форме обязываний и запретов, при этом, императивность воплощена в легальной форме государственного управления, обеспеченного государственным принуждением и отраженного в правилах поведения повелительного характера [Дудина, 2018, 18], в т.ч. в нормах уголовного закона. Исходя из задач, указанных в ст.2 УК РФ¹, к основным направлениям уголовного законодательства относится предупреждение деяний, применение к виновным справедливого наказания, направленного на исправление, ресоциализацию и на предупреждение новых деяний (п. 2 ст.40 УК РФ), с учетом возможности принудительного применения мер медицинского характера (гл. 15 УК РФ).

Актуальность изложенного подчеркивается следующим:

- высоким уровнем преступности, который, несмотря на уменьшение в 2021 г. и в 2022 г., (2021 г. – на 1%, всего – 2 004 404, за 10 месяцев 2022 г. – 1,7% и 1,7 млн соответственно)², представляет особую угрозу национальной безопасности с одновременным ростом деяний, совершенных лицами, страдающими психическими заболеваниями (врожденными, приобретенными);
- стабильностью (по информации Судебного Департамента при Верховном Суде РФ), ежегодного применения в России принудительных мер медицинского характера (около 1% от поступающих в суд уголовных дел)³;
- пристальным вниманием в России к правам человека, стремлением к формированию действительно правового государства, направленного на совершенствование системы гарантий прав и интересов граждан и реализацию конституционных норм (ст. ст. 21-25, 45, 46, 48, 114 Конституции РФ⁴);
- позицией, в соответствии с которой, Российская Федерация, признавая конституционные права, свободы, законные интересы граждан, гарантирует защиту каждого от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, как и от ограничения данных нематериальных благ, и возводит их защиту в одну из задач и функций уголовного судопроизводства (ст.2, 6 УПК РФ⁵);
- сложностью правовой природы института принудительных мер медицинского характера, обусловленной включением системы норм нескольких отраслей российской правовой системы – конституционного и уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного, пр.;
- констатацией факта, что лица, страдающие психическим расстройством, признаны наиболее уязвимой категорией лиц, в силу специального правового статуса, нуждающейся в максимальном обеспечении прав человека, включая права в сфере

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.

² Состояние преступности в России за 2021 г., 10 месяцев 2022 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий.

³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

⁴ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-Ф (ред. от 31.07.2020).

психического здоровья, в ряде случаев – в применении мер государственного принуждения в форме принудительных мер медицинского характера (Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁶);

– отсутствием в уголовном законодательстве дефиниции правовой категории «принудительные меры медицинского характера».

В соответствии с изложенным, понимание категории «принудительные меры медицинского характера», ее истинной сущности (правовой природы), иных правовых особенностей представляет интерес в научном сообществе, как на прежних этапах развития юридической мысли, так и на современном этапе.

Основная часть

В научной литературе (И.С. Ной, другие ученые) к осознанию данной правовой категории предлагалось подходить дифференцированно (в отношении различных групп субъектов). Так, принудительные меры медицинского характера, которые применимы к лицам, страдающим алкоголизмом и наркоманией, обосновано было признавать в качестве принудительных, поскольку данные лица в состоянии отвечать за реализацию собственных действий (бездействия), а меры в отношении лиц, страдающих психическим расстройством – в качестве насильственных [Ной, 1962, 136]. Тожественный подход нашел отражение ранее в научных исследованиях И.Н. Введенского, который полагал, что, в целом, категория «принудительные меры» может подлежать использованию исключительно в отношении лиц, способных осознавать истинный смысл совершения собственных действий (бездействия) [Введенский, 1929].

Представляется, что у изложенной позиции отсутствуют и фактические, и правовые основания: принуждение обладает объективным характером и выражается в том, что медицинское лечение в рамках принудительных мер медицинского характера реализуется по решению суда и вне зависимости от категории лиц, в отношении которых подлежит применению (ст.97 УК РФ), как и независимо от намерения больного, от осознания им необходимости и целесообразности названных мер. Принудительный характер исследуемых мер медицинского характера выражается также в следующем: лицо, в отношении которого применяются данные меры, обязано наблюдаться и проходить лечение у медицинского специалиста, а при определении медицинской организации – находиться на принудительном лечении в соответствующей организации. При этом, полагаем: насилем, применяемое в медицинских организациях в отношении лиц с расстройствами психики (по И.С. Ной), необходимо интерпретировать, как предусмотренное законом ограничение прав и свобод лиц, реализуемое в исключительных случаях, как необходимое средство государственного принуждения в рамках реализации медицинских указаний.

Государственное принуждение, осуществляемое в медицинских организациях психиатрического, иного типа к лицам, страдающим расстройствами психики (гл. 15 УК РФ), целесообразно, соответственно, понимать в качестве метода юридического воздействия со

⁶ Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

стороны государства на поведение данных лиц, применяемого в сфере уголовно-правовых (уголовно-процессуальных) отношений с целью защиты интересов данных лиц, общества, государства и обеспечения общественной безопасности и правопорядка. В результате, в психиатрической практике, в которой при взаимодействии врач–пациент преобладает патерналистская модель, необходимая для безоговорочного поддержания обеими сторонами. Данная модель возлагает на врачей-психиатров максимальную ответственности за принятие решений, как в отношении здоровья, так и обеспечения общественной безопасности [Ржевская и др., 2020, 44].

Российский законодатель отражает четкую правовую позицию в отношении принудительной сущности мер медицинского характера; лицо, находящееся во момент совершения деяния в состоянии невменяемости, которое не позволило полноценно осознавать, как фактический характер, так и общественную опасность действий (бездействия), руководить собственным поведением в связи с констатацией хронического, временного расстройства психики, слабоумия, другого болезненного состояния психики, не подлежит привлечению к уголовной ответственности и в отношении данного лица могут быть применены медицинские меры, названные именно мерами принудительного характера (ст. 21, п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Конституционный Суд РФ, поддерживая указанную позицию в Постановлении от 21 мая 2013 г. № 10-П⁷, отметил: законодатель, реализуя конституционные полномочия в отношении обеспечения охраны достоинства личности, ее безопасности, учитывая государственные интересы защиты общества от посягательств, права лиц, страдающих психическими расстройствами и нуждающихся, в указанной связи, в усиленной юридической защите, справедливо включил в регулирование положения, исключающие уголовную ответственность данных лиц и позволяющие применить меры медицинского характера, характеризующиеся качеством принудительности.

Верховный Суд РФ подчеркивает: меры государственного принуждения в форме мер медицинского характера, являясь принудительными мерами уголовно-правового характера, в силу ст.97 УК РФ, подлежат назначению исключительно в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом при состоянии невменяемости либо лиц, у которых после совершения деяния констатировано психическое расстройство, при котором не представляется возможным назначение или исполнение уголовного наказания, как и лиц, совершивших преступление и характеризующихся психическим расстройством, которое не исключает вменяемости, и лиц, страдающих психическим сексуальным расстройством (педофилией), не исключая вменяемости, совершивших в возрасте старше 18 лет деяния против половой неприкосновенности лиц возраста несовершеннолетия, не достигших 14-летнего возраста. Верховный Суд РФ дополняет; применение данных мер возможно исключительно при условии корреляции психического расстройства с возможностью причинения существенного вреда или себе, или иным лицам (ч. 1 и 2 ст. 97 УК РФ)⁸.

Принудительная сущность мер медицинского характера отражена в большинстве научных

⁷Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первого и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. 2011. 19 апреля.

трудоустройства. Так, П.А. Колмаков данные меры понимает и в качестве особых мер принудительного характера и особой разновидностью мер государственного принуждения, установленных уголовно-правовыми нормами, назначаемых судом по основаниям, указанным в законе [Колмаков, 1999, 12]. Данная категория дефинируется также, как меры государственного принуждения, назначаемые в соответствии с позицией суда, подлежащие применению совершившему преступление лицу и заключающиеся в определяемом уголовным законом принудительном ограничении прав и свобод в связи с психическим расстройством в момент совершения деяния, как и после его совершения [Корнеев, 2021, 104].

Ввиду отсутствия в законодательстве дефиниции данной категории, в научном сообществе присутствует мнение, в соответствии с которым принудительные медицинские меры представляют собой особые меры безопасности [Горобцов, 1998, 17], связанные с изоляцией от общества. Принудительные меры медицинского характера могут быть интерпретированы в названном контексте мер безопасности также на основании научных исследований Л.И. Малаховой [Малахова, 2016], И.В. Щедрина [Щедрин, 1999, 77], других авторов. При этом, необходимо отметить: изоляции от общества, в соответствии с законом, подвергаются исключительно лица, которым назначено уголовное наказание в виде либо заключения под стражу, либо ареста, либо домашнего ареста, т. е. когда лица пребывают либо в условиях камерного размещения в учреждении исполнительной системы, либо в жилом помещении, при которых контакты с социумом минимизированы [Ложкин, 2020, 47].

Интерес для исследования представляет определение целей применения принудительных мер медицинского характера. В действующем уголовном законе отражена следующая позиция (ст. 98 УК РФ): излечение либо улучшение состояния психического здоровья, как и предупреждение новых преступлений, что подчеркивает двуединую сущность целей применения данных мер (медицинские – излечение либо улучшение психического состояния и юридические – предупреждение совершения новых деяний). Верховный Суд РФ по данному вопросу подчеркивает: основные цели применения принудительных мер медицинского характера в значительной степени отличаются от целей применения уголовного наказания, поскольку не обладают карательной сущностью, заключааясь в излечении либо в улучшении психического состояния человека, как и в профилактике совершения новых посягательств⁹.

Полагаем, что в качестве целей применения принудительных мер медицинского характера необходимо обозначить также охрану прав, законных интересов лиц, указанных в ч.1 ст.97 УК РФ, которыми совершены деяния, предусмотренные статьями Особенной частью Уголовного кодекса РФ.

Отдельные ученые делают акцент на следующем: поскольку принудительные меры медицинского характера являются мерами государственного принуждения, они по сущности отличаются от уголовного наказания, уголовной ответственности. Выражая согласие с обозначенной позицией, полагаем: несмотря на определенную тождественность принудительных мер медицинского характера и иных мер наказания (применение в связи с совершением деяния, последствия запрета, предусмотренного уголовным законом), принудительное медицинское лечение в форме мер медицинского характера (гл. 15 УК РФ) не может быть интерпретировано, как уголовное наказание и ответственность. Полагаем, что основное отличие названных категорий заключается в целях.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

Так, под уголовным наказанием понимается такая мера государственного принуждения, которая предусмотрена в соответствии с судебной резолюцией, исходя из степени тяжести деяния [Газизова, 2021, 140], цель которой, в отличие от целей принудительных мер медицинского характера, восстановление социальной справедливости, исправление виновного, как и в предупреждение совершения новых общественно опасных деяний (ст. 43 УК РФ). Цель уголовной ответственности, как способа государственного воздействия на совершившее преступление лицо, на основании которого наступают неблагоприятные юридические последствия, опосредованные претерпеванием лишений, коррелирующих наказанию [Харабара, 2020, 341], – предупреждение совершения новых преступлений как осужденным (частное предупреждение), так и другими лицами (общее предупреждение). При этом, цели принудительных мер медицинского характера – преимущественно – лечебные, заключающиеся в излечении либо в улучшении психического состояния, в связи с чем, характеризуются самостоятельным значением и не коррелируют целям уголовного наказания и уголовной ответственности, базируясь на учете особенностей личности.

Заключение

На основании изложенного, представляется целесообразным указать:

- принудительные меры медицинского характера – особые меры государственного принуждения (в системе мер принудительного характера, иных мер уголовно-правового характера, разд. IV УК РФ) с учетом того, что государственное принуждение заключается в справедливом применении государственными органами мер юридического воздействия, призванных способствовать, благодаря системе лишений, ограничений, обременений либо системы ответственных действий, к определенным обязанностям по соблюдению запретов и к исполнению определенных обязанностей;
- принудительный характер принудительных мер медицинского характера выражается в том, что данные меры применяются вне зависимости от волеизъявления лица, его близких родственников либо законных представителей лица и связаны с непосредственными ограничениями личной свободы.

В целях совершенствования законодательства, считаем целесообразным внести изменения в Уголовный кодекс РФ посредством:

- указания в ч.1 ст.97 УК РФ дефиниции категории «принудительные меры медицинского характера», сформулировав данную норму следующим образом: «Принудительные меры медицинского характера, назначаемые судом, подлежат применению к лицам, указанным в части второй настоящей статьи, когда данные лица на основании психического расстройства, характера общественно-опасного деяния, других обстоятельств представляют опасность для иных лиц, для себя либо присутствует возможность причинения другого вреда» (соответственно ч.1 ст.97 УК РФ приобретает нумерацию 2 и т.д.);
- расширения содержания целей принудительных мер медицинского характера (ст.98 УК РФ): «Целями применения принудительных мер медицинского характера являются охрана прав, законных интересов лиц, указанных в части первой статьи 97 настоящего Кодекса, их излечение или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Библиография

1. Введенский И.Н. Принудительное лечение душевнобольных и психопатов. Душевнобольные правонарушители и принудительное лечение. М., 1929. 112 с.
2. Газизова А.Ф. Система наказаний в Российской Федерации // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. № 12-2 (63). С. 139-141.
3. Горобцов В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по уголовному кодексу Российской Федерации. Красноярск, 1998. 59 с.
4. Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование: автореф...дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2018. 240 с.
5. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».
6. Колмаков П.А. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар, 1999. 96 с.
7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
8. Корнеев С.А. Сущность принудительных мер медицинского характера в соответствии с российским уголовным законом // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2021. № 1. С. 100-107.
9. Ложкин Ю.А. Личность обвиняемого, содержащегося под стражей, как объект изучения оперативными подразделениями следственных изоляторов ФСИН России // *Вестник Пермского института ФСИН России*. 2020. № 2 (37). С. 45-48.
10. Малахова Л.И. Меры безопасности в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации и эффективности // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016. № 4. С.14-18.
11. Ной И.С. Вопросы теории наказания в уголовном праве. Саратов, 1962. 300 с.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».
13. Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».
14. Ржевская Н.К. и др. Принуждение и насилие при оказании стационарной психиатрической помощи: точка зрения пациентов и врачей-психиатров // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2020. Т. 30. № 4. С. 40-44.
15. Состояние преступности в России за 2021 г., 10 месяцев 2022 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/>
16. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-Ф (ред. от 31.07.2020).
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.
19. Харабара И.В. Уголовная ответственность и ее основание // *Образование и наука*. 2020. № 6. С. 340-343.
20. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 1999. 180 с.

Definition, essence and other legal features of coercive medical measures

Elena A. Trusova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: etrus.elena@yandex.ru

Abstract

Understanding the category of "coercive medical measures", its true essence (legal nature), other legal features is of interest in the scientific community, both at the previous stages of the development of legal thought, and at the present stage. The article is devoted to the study of medical measures of a coercive nature, the concept (definition) of this legal category, essence (legal nature),

other features that distinguish these measures from other measures of a criminal law nature (grounds for appointment, purposes of application, etc.). The article considers the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation on medical coercive measures, analyzes debatable issues, and reflects various scientific positions. On the basis of the analysis, the author formulated a system of legal characteristics of the category "coercive measures of a medical nature", proposed certain changes to the norms of the current legislation. The novelties were: the indication in Part 1 of Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation of the definition of the legal category "coercive medical measures" and the expansion of the content of the purposes of the application of compulsory medical measures (Article 98 of the Criminal Code of the Russian Federation).

For citation

Trusova E.A. (2023) *Definititsiya, sushchnost' i inye pravovye osobennosti prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Definition, essence and other legal features of coercive medical measures]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 407-415. DOI: 10.34670/AR.2023.88.16.062

Keywords

Crime, criminal law measures, compulsory medical measures, definition, essence (legal nature), grounds for application, goals.

References

1. Dudina A.N. (2018) *Imperativnye normy prava (teoretiko-pravovoe issledovanie. Doct. Dis.* [Imperative norms of law (theoretical and legal research. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
2. Gazizova A.F. (2021) *Sistema nakazanii V Rossiiskoi Federatsii* [The system of punishments in the Russian Federation]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 12-2 (63), pp. 139-141.
3. Gorobtsov V.I. (1998) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera v otnoshenii psikhicheski bol'nykh po ugovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Coercive medical measures against the mentally ill under the criminal code of the Russian Federation]. Krasnoyarsk.
4. Kharabara I.V. (2020) *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie* [Criminal liability and its basis]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 6, pp. 340-343.
5. Kolmakov P.A. (1999) *Sushchnost', tseli i vidy prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Essence, goals and types of compulsory measures of a medical nature]. Syktyvkar.
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii ot 12 dekabrya 1993 g.* [The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993].
7. Korneev S.A. (2021) *Sushchnost' prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera v sootvetstvi s rossiiskim ugovnym zakonom* [The essence of coercive measures of a medical nature in accordance with the Russian criminal law]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula State University. Economic and legal science], 1, pp. 100-107.
8. Lozhkin Yu.A. (2020) *Lichnost' obvinyaemogo, sodержashchegosya pod strazhei, kak ob"ekt izucheniya operativnymi podrazdeleniyami sledstvennykh izolyatorov FSIN Rossii* [The identity of the accused in custody as an object of study by the operational units of the pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2 (37), pp. 45-48.
9. Malakhova L.I. (2016) *Mery bezopasnosti v ugovnom sudoproizvodstve: problemy realizatsii i effektivnosti* [Security measures in criminal proceedings: problems of implementation and efficiency]. *Sudebnaya vlast' i ugovnyi protsess* [Judicial power and criminal process], 4, pp. 14-18.
10. Noi I.S. (1962) *Voprosy teorii nakazaniya v ugovnom prave* [Questions of the theory of punishment in criminal law]. Saratov.
11. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 maya 2013 g. № 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei vtoroi i chetvertoi stat'i 443 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina S.A. Pervova i zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka N 43 goroda Kurgana»* [Resolution of the Constitutional

- Court of the Russian Federation of May 21, 2013 No. 10-P “On the case of checking the constitutionality of the second and fourth parts of Article 443 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Pervov and the request of the justice of the peace of the court district N 43 of the city of Kurgan”].
12. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda ot 7 aprelya 2011 g. № 6 «O praktike primeneniya sudami prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated April 7, 2011 No. 6 “On the practice of applying compulsory medical measures by courts”].
 13. Rzhetskaya N.K. et al. (2020) Prinuzhdenie i nasilie pri okazanii statsionarnoi psikhiatricheskoi pomoshchi: tochka zreniya patsientov i vrachei-psikhiatrov [Coercion and violence in the provision of inpatient psychiatric care: the point of view of patients and psychiatrists]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 30, 4, pp. 40-44.
 14. Shchedrin N.V. (1999) *Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti* [Introduction to the legal theory of security measures]. Krasnoyarsk.
 15. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2021 g., 10 mesyatsev 2022 g. General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii* [The state of crime in Russia for 2021, 10 months of 2022. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: <https://genproc.gov.ru/> [Accessed 06/06/2023]
 16. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://cdep.ru> [Accessed 06/06/2023]
 17. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-F (red. ot 31.07.2020)* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-F (as amended on July 31, 2020)].
 18. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ].
 19. Vvedenskii I.N. (1929) *Prinuditel'noe lechenie dushevnobol'nykh i psikhopatov. Dushevnobol'nye pravonarushiteli i prinuditel'noe lechenie* [Compulsory treatment of the mentally ill and psychopaths. Mentally ill offenders and compulsory treatment]. Moscow.
 20. *Zakon RF ot 2 iyulya 1992 g. № 3185-I «O psikhiatricheskoi pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri ee okazanii»* [Law of the Russian Federation of July 2, 1992 No. 3185-I "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision"].